

МЕТОДОЛОГИЯ

*А.В. КОВАЛЕВ***Методология австрийской школы:
забытая перспектива?***

В статье представлен анализ методологических установок австрийской школы. Вопреки распространенным представлениям ее методологический индивидуализм не является ни атомизмом, ни редукционизмом. Показано, что человеческое взаимодействие в традиции школы анализируется сквозь призму институционального окружения, при этом рассматривается реальный человек — такой, какой он есть в хозяйственной деятельности, а не гипотетический *Homo Economicus*. Раскрывается роль методологического субъективизма как основы понимания действительности, подчеркивается невозможность сравнения и суммирования субъективных оценок индивидов. Концепция субъективности информации приводит к отказу от идеи общего экономического равновесия и следующей из нее политики максимизации общественного благосостояния. Представленную ранее критику концепции социального либерализма представителями австрийской школы автор дополняет темой неумения проблемы сравнимости при переходе от индивидуального к общественному интересу и высказывает сомнение в правильности употребления в отношении данной концепции родового термина "либерализм".

Ключевые слова: методологический индивидуализм, методологический субъективизм, институты, австрийская школа, социальный либерализм.

Всплеск интереса к методологии экономических исследований возникает, как правило, в период, предшествующий "прорывам" в науке, когда научное познание упирается в ограниченность объяснительной способности главенствующих концепций и требуется их замена или радикальное обновление. Методологическая дискуссия, прошедшая в российских экономических журналах, поставила под обоснованные сомнения перспективы исследовательской программы современного мейнстрима экономической науки. Справедливости ради следует отметить, что вопросы несоответствия целей экономики и допущений и методов достижений этих целей поднимались и ранее представителями различных школ экономической мысли. Однако если с вопросом об ограниченности используемых подходов достигнут некий консенсус, то по-прежнему открытым остается вопрос о том, какой путь будет выбран в качестве альтернативы. На мой взгляд, в условиях возрастания значимости человеческого фактора в развитии современной экономической системы успешность развития науки может обеспечить только подход, который в центр анализа ставит Человека. Человека

* Ранние версии данной работы были представлены на конференции "Леонтьевские чтения" (Санкт-Петербург, 13 февраля 2015) и на заседании семинара "Теоретическая экономика" Института экономики РАН (Москва, 22 июня 2015). Автор выражает благодарность за замечания и комментарии всем участникам данных научных собраний, и в особенности — А. Рубинштейну.

К о в а л е в Александр Васильевич — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Центра бизнес-образования Университета Казимира Семеновича (Вильнюс, Литва), доцент кафедры менеджмента Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь). Адрес: Минск, 220040, ул. Восточная, 39—84. E-mail: kavaliou.aliaksandr@gmail.com

не выдуманного и ограниченного неким набором наивных предпосылок, превращающим его в Номо Экономичес, а Человека Действующего — такого, какой он есть в реальной хозяйственной деятельности.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что переход в 1870-х гг. к современной парадигме экономической науки знаменовался в одном из трех ответвлений “маржинализма” — австрийском — возникновением именно такого подхода, когда вся экономика рассматривалась сквозь призму Человека Действующего. К сожалению, подход этот был по различным причинам отодвинут за ширму основного действа. Думаю, настало время устранить ограничения к использованию данного подхода, способного многократно обогатить экономическую науку.

Методология австрийской школы

Исследовательская программа австрийской школы включает три ключевых методологических аспекта: методологический индивидуализм, методологический субъективизм и отказ от концепции рыночного равновесия в пользу рыночного процесса. В [Баженов 2015] приводятся десять методологических принципов австрийской школы, сформулированных Ф. Махлупом и И. Кирцнером, но я считаю, что из приводимых ниже трех принципов можно вывести остальные. Поэтому сосредоточимся именно на них.

Методологический индивидуализм и институты. Под методологическим индивидуализмом понимается принцип анализа социально-экономических явлений, в соответствии с которым любое из них может и должно быть объяснено в терминах планов и действий индивида. Социальное целое при этом есть результат индивидуальных действий — у группы/коллектива/общества не может быть самостоятельных целей, не сводимых к целям отдельных индивидов.

Существует много заблуждений-ярлыков относительно данного принципа — часто исследователи смещают его с методологическим атомицизмом — выведением законов на основе анализа изолированных индивидов [Рубинштейн 2012^a]. Упрощение анализа до действий отдельного индивида в теоретической системе австрийской школы неизменно сочетается с последующим рассмотрением человеческого взаимодействия. Основатель школы К. Менгер так изложил логику своего метода исследования: “... мы старались свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам, еще доступным точному наблюдению, приложить к последним соответствующую их природе меру и с установлением ее снова показать, как сложные хозяйственные явления закономерно развиваются из своих элементов” [Менгер 1992, с. 35].

Иллюстрацией применения Менгером данного подхода может послужить его анализ цены. Сначала человек осознает свои потребности, ранжирует их и определяет величину ценности различных благ из познания значения, которое имеет для него удовлетворение различных потребностей. При этом ценность блага определяется “значением, которое имеют... наименее важные из всех удовлетворений потребностей, обеспеченным всем количеством [благ] и зависящие от [последней] части” [Менгер 1992, с. 110].

С переходом к разделению труда человек не может произвести все необходимые ему жизненные блага, потому для удовлетворения потребностей он вступает в процесс обмена. Анализ сложных взаимодействий, приводящих к формированию общих условий и пропорций обмена между людьми, обладающими разными благами, Менгер проводит на основе уже сформированных предпосылок — систем ценности благ, имеющих у каждого человека, но процесс установления цен — результат взаимодействия именно неизолированных индивидов.

Л. Мизес также отказывается от атомицизма как метода исследования: “Мы не утверждаем, что изолированное автаркичное человеческое существо жило когда-либо... Биологическое очеловечивание предков людей и возникновение примитивных общественных обязательств происходило в рамках единого процесса. Человек

появляется на сцене земных событий как общественное существо. Изолированный асоциальный человек является вымышленной конструкцией” [Мизес 2005, с. 156].

Таким образом, упрекать австрийскую школу в “атомицизме” неправомерно. Принцип методологического индивидуализма не означает и редукционизма, в соответствии с которым более сложные явления могут быть объяснены законами, характерными для явлений более простых. Вместе с тем сторонники школы не считают возможным ограничивать аналитический инструментарий агрегированными показателями и выявлением на основе их анализа неких причинно-следственных зависимостей, приобретающих характер экономического закона. Для познания законов неизбежно следует обратиться к мотивам поведения людей. Необходимость подведения под макроэкономические модели солидной микроэкономической основы осознается представителями мейнстрима, но строгое следование принципу методологического индивидуализма, при котором все макроэкономические постулаты должны быть сведены к микроэкономическим, разрушает “всю общепризнанную макроэкономическую теорию” [Блауг 2004, с. 102].

Попытки построить микроэкономическую основу на базе Номо Economicus также не разделяются австрийской школой. Она не поддерживает ни одну из предпосылок такого взгляда на человека в экономике, выделяемых исследователями:

- модель рационального (ограниченно рационального) экономического агента;
- агентам вменяется принцип максимизации, определяющий экономическое поведение агентов рынка в соответствии с категорией субъективной полезности;
- необходимо наличие конкуренции (в разных видах) между агентами;
- предусматривается возможность достижения рыночного равновесия, то есть постулируется рост предельных издержек по мере постепенного увеличения выпуска, или “закон убывающей отдачи” факторов производства [Кирдина 2013^a].

В традиции методологического индивидуализма — “смирненное восприятие людей такими, какими они есть” в реальной жизни [Раквиашвили 2015, с. 89]. Человеческая рациональность не сводится к “максимизаторской установке”, его действия рациональны/разумны в субъективном смысле — все, что человек делает, в момент совершения действия было для него рациональным. При этом человек может ошибаться и исправлять свои ошибки (или то, что он считает ошибкой) в реальном недискретном времени.

Отказ школы от “равновесного анализа” в противовес иному — вальрасовскому — направлению маржиналистской революции подробнее будет рассмотрен ниже, здесь можно отметить, что ни о каком равновесии с точки зрения школы нельзя вести речь хотя бы только по той причине, что никто из участников рыночного процесса не обладает полной информацией об условиях его осуществления. Более того, никакой “объективной” информации не существует — только знание конкретных “обстоятельств места и времени”, известное предпринимателю, позволяет ему организовать тот или иной бизнес.

Таким образом, ни один из постулатов Номо Economicus не соответствует идеям австрийской школы, и рассматриваемого ею человека следовало бы скорее назвать Человек Институционализированный. Институционализированность заключается в воздействии институтов на формирование личности и проявляется в нестатичности предпочтений и потребностей [Hodgson 2000].

Менгер исходил из изменчивости потребностей: “человеческие потребности способны развиваться до бесконечности”; “наблюдая людей в их предусмотрительной деятельности, направленной на удовлетворение их потребностей в будущем, мы можем легко убедиться, что они далеки от того, чтобы оставлять без внимания способность потребностей к развитию” [Менгер 1992, с. 65].

Что касается воздействия институтов на формирование индивидов, то даже методологический Робинзон — не дикарь, выросший и живущий в изоляции, а изолированный волею случая человек с имеющимися у него техническими знаниями, культурными привычками и навыками хозяйственной деятельности, полученными в цивилизационном институциональном окружении.

Человеческое действие в теоретической системе австрийской школы рассматривается сквозь призму институционального окружения: культуры, права, традиций, привычек: “Экономическая наука изучает реальные действия реальных людей. Ее теоремы не относятся ни к идеальному или совершенному человеку, ни к призраку мифического экономического человека (*homo economicus*), ни к статистическому понятию среднего человека (*homme moyen*). Человек со всей его слабостью и ограниченностью, любой человек, как он живет и действует, является предметом каталлактики” [Мизес 2005, с. 610–611]. Формируя исследовательскую программу школы, Менгер первым из экономистов поставил вопрос о необходимости развития экономической науки как науки об эволюции институтов: проблема социальных наук — объяснить, как “могут возникать институты, служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития без общей воли, направленной к их установлению; какова природа этих социальных явлений и каким образом можем мы достигнуть полного понимания их существа и их движения” [Менгер 1894, с. 61–62].

Невозможно представить себе ни одно исследование австрийской школы, где бы институты не выступали основой целостности экономической или социальной системы. Объяснение эволюции институтов как спонтанных порядков австрийская школа черпает в шотландской традиции Фергюссона, который считал, что они есть “результат человеческого действия, но не человеческого замысла” (цит. по [Хайек 2011, с. 8]). Ф. Хайек отмечал: именно институты формируют устойчивость общества, подчеркивая, что общественные институты представляют собой и необходимое условие успешного достижения сознательных целей [Хайек 2006, с. 30]. Кроме ставшего для приверженцев школы классическим менгеровского примера денег как социального института, позволю сослаться и на исследование Г. Сапова, в котором собственность трактуется не просто как экономическое или правовое явление, а как гораздо более широкое условие человеческой деятельности [Сапов 2004]. Человек не просто функционирует в конкретной институциональной среде — каждый еще и участвует в создании общественных институтов через отбор в процессе деятельности “правильных практик”. Это только подтверждает институциональность человека в представлении австрийской школы.

Методологический субъективизм как основа понимания действительности. Методологический субъективизм в теоретической системе австрийской школы выступает предпосылкой методологического индивидуализма, требуя от исследователя при анализе любого человеческого взаимодействия опираться на то субъективное значение, которое в отношении различных объектов или процессов имеет анализируемый индивид, а не анализирующий исследователь. Каждый исследователь вступает в процесс анализа с уже сформированной в его сознании “классификацией объектов” (по Хайеку), потому любая трактовка человеческого действия является с его стороны “актом интерпретации”. И очевидно, что для правильной интерпретации он должен применять не свою “классификацию” (включая шкалу ценностей), а ту, которая присуща анализируемым субъектам. Отличная иллюстрация невозможности иного подхода — пример, когда исследователь не может понять логику обмена двух туземцев, один из которых отдает ведро “полезной” рыбы, получая взамен горсть “бесполезных” ракушек, если не допустит, что ракушки — для данного туземца деньги.

Субъективность пронизывает весь мир хозяйственной деятельности и весь мир австрийской экономической теории. Возможно, наиболее ярко она проявляется при анализе концепции ценности. Ценность есть “суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ” [Менгер 1992, с. 101]. При этом “ценность благ основана на отношении благ к нашим потребностям, а не на их сущности” — и с изменением этого отношения меняется и ценность. Менгер подчеркивает, что ценность субъективна и по своей сущности, и по своей мере. Ценность не может быть измерена, сравнена у разных людей, с ней нельзя оперировать математическими функциями — как можно складывать суждения?!

Применение Менгером робинзоны как методологического приема для анализа меры ценности обусловлено необходимостью поставить читателей в условия

одинакового ранжирования потребностей. Менгер иллюстрирует меру ценности тем, что Робинзон ранжирует свои потребности в пресной воде — и, естественно, разному запасу воды придает значение в соответствии с важностью той или иной потребности, которая данным количеством еще может быть удовлетворена. У читателей не возникает несогласия с подобным ранжированием, поскольку каждый из нас, будучи поставленным в ситуацию Робинзона, имел бы сходную с ним цель — выжить — и, соответственно, сходную структуру потребностей [Ковалев 2008^a].

Другой пример субъективного подхода в теоретической системе австрийской школы — концепция субъективности издержек. Бем-Баверковская идея альтернативных издержек как “второго лучшего” выбора, от которого отказывается субъект экономики ради того выбора, который он сделал, при последовательном применении неизбежно приводит к выводу об индивидуальных шкалах издержек. Ни один исследователь не обладает всей полнотой данных об уровне экономических издержек ни одного предпринимателя, поскольку только последнему известно, от чего он отказался ради осуществления фактически реализуемого бизнес-проекта. Строгое следование такой логике исключает возможность “объективной” оценки и издержек, и успешности инвестиционного проекта, а потому в рамках мейнстрима заменяется банковской ставкой процента как “всем доступной альтернативой” и в моделях равновесия [Гребнев 2007], и для обоснования экономической политики [Кузнецов 2002].

Важным аспектом субъективизма в традиции австрийской школы оказывается и вопрос об экономическом расчете. Дискуссия об экономическом расчете при социализме — одна из ярчайших страниц в теоретическом наследии школы. Любая попытка заменить предпринимателей и владельцев капитала, принимающих решения о направлениях размещения капитала по отраслям, чиновником Госплана или “действующим как предприниматель” директором государственного завода обречена на провал (см. [Ковалев 2008^b]). Восприятие цены, рисков, ожидаемой доходности исключительно субъективно — и не может “проигрываться” другими акторами с теми же по эффективности результатами, как и акторами в реальной жизни.

Наконец, еще одно важное следствие применения субъективного метода — отказ от анализа “поведения” и “интересов” классов или иных социальных групп. Ведь любая социальная целостность создается “актом интерпретации” самого исследователя, а не бывает дана в готовом виде, “общественные науки...не претендуют на то, чтобы открывать путем эмпирических наблюдений законы поведения или изменения таких целостностей” [Хайек 2011, с. 87–88].

Рыночное равновесие vs рыночный процесс. Отказ от анализа вымышленного состояния равновесия позволил австрийской школе сконцентрироваться на модели предпринимательского процесса, “гораздо более содержательной, имеющей более общий характер и намного лучше объясняющей реальное общество” [Уэрта де Сото 2007, с. 14]. Состояние равновесия неизбежно требует некой единой цены, но начиная с Менгера, австрийская школа отказывается от понятия “равновесная цена”, а говорит лишь о возможном диапазоне цены в зависимости от диапазонов ценности товара для покупателя и продавца и условий рынка¹.

Окончательно же выбивает основание из-под общего экономического равновесия хайковская концепция субъективности знания. Формальный равновесный анализ неоклассической экономической теории может что-либо сказать о причинных связях в реальном мире, только “ответив на вопрос, как приобретаются и передаются знания” [Хайек 2011, с. 41]. Неоклассическая теория исходит из того, что информация — некая “объективная данность” и в равной степени доступна для всех участников рынка. Но даже и в этом случае для достижения равновесия необходимо, чтобы все люди следовали заранее разработанным планам; и чтобы все эти планы были составлены в ожидании

¹ В этом смысле подчеркну, что вклад И. Кирцнера в определение методологического каркаса школы именно в том, что он *сформулировал* положение “рынки — есть процессы”, но не начал исследования под таким ракурсом [Баженов 2015].

одного и того же ряда внешних событий, что само по себе нереально. Кроме того, любая перемена, заставляющая человека пересмотреть план, подрывает равновесное отношение между действиями, которые человек осуществлял до и после этого изменения знаний.

На самом же деле никакого “объективного” знания не может быть, потому что оно никому не может быть дано в полном объеме: “знание обстоятельств... никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но только в виде рассеянных частиц неполных и зачастую противоречащих знаний... индивидов” [Хайек 2011, с. 94]. Знание распространяется постепенно в процессе человеческого взаимодействия — и в дальнейшем люди корректирует свои ожидания и действия на основе вновь получаемого знания, возникающего, формирующегося в рыночном процессе.

В широком смысле предпринимательство — любая деятельность по изменению настоящего в целях достижения будущих целей — совпадает с понятием “человеческая деятельность”. В узком смысле предпринимательство связано с необходимостью “открывать и подмечать возможности для достижения какой-либо цели, получения прибыли или выгоды” [Уэрта де Кото 2011, с. 60]. В этом смысле предприниматель по определению должен постоянно находиться в состоянии бдительности — и очевидно, что любая информация, как вновь получаемая, так и имевшаяся у него, подлежит постоянному пересмотру и переоценке исходя из его оценки новых появляющихся (и исчезающих) целей и возможностей, а следовательно, субъективна по своему смыслу. Знание предпринимателя — практическое, а не научное, эксклюзивное, рассеянное, неявное, но при этом оно может распространяться посредством сложных социальных процессов. Распространение знания будет вести к постоянной корректировке предпринимательских ошибок, поэтому ни о каком равновесном состоянии рынка нельзя вести речи.

Л. Лахманн считает, что нельзя ставить вопрос даже о тенденции к равновесию. Быстрота, с которой одни элементы хозяйственной системы приспособляются к изменениям, выше, чем скорость приспособления остальных к предыдущему изменению. Постоянные изменения информации ведут к калейдоскопичности экономического мира — ни одно его состояние не повторяется, причем все эти состояния неравновесны [Expectations... 1994].

Австрийская школа отказывается от претензий на “точное количественное прогнозирование”. В рамках ее методологии это абсолютно логично: ученый не может знать информацию, доступную предпринимателю и просто “человеку действующему” (она субъективна), а значит, верификация теории не может быть построена на основе эмпирических фактов: “... специфические теоремы [экономической науки] не доступны для какой-либо верификации или фальсификации на основе опыта” [Мизес 2005, с. 809]. Экономическая наука может предсказать только качественные тенденции развития. Отказ от претензий количественного прогноза позволяет иметь и гораздо более реалистичные по сравнению с остальными школами допущения — условия анализа: признание денежной экономики, учет фактора времени, сущностный характер формирования ожиданий субъектов хозяйствования, неоднородность капитала.

Резюмируя представленные размышления о методологии австрийской школы, выделим следующие ее аспекты:

- методологический индивидуализм не является ни атомицизмом, ни редукционизмом — все действия человека рассматриваются в социальной среде;
- человек в австрийской традиции предстает таким, какой он есть, в отличие от гипотетического *Номо Economicus* мейнстрима. Человек формируется конкретным институциональным окружением, и сам принимает участие в формировании институтов;
- не существует никаких надындивидуальных интересов; более того, все социальные общности не даны как таковые, а представляют собой “акт интерпретации” исследователя;
- в соответствии с принципом методологического субъективизма невозможно сравнивать ценности различных людей, равно как и складывать их либо проводить с ними иные математические манипуляции;

– теория общего экономического равновесия (как и следующая из нее концепция общественного благосостояния) отвергается как нереалистичная вымышленная конструкция, гораздо важнее анализ рыночного процесса.

Методологическая дискуссия подтолкнула к анализу еще ряда сюжетов в методологии австрийской школы – о соотношении реализма Менгера и априоризма Мизеса, о “развороте” самого Менгера в сторону рассуждений о возможности существования потребностей (интересов?) ассоциаций индивидов, которые могут послужить темами отдельных статей. Однако в целом методология школы опирается именно на описанные выше принципы.

Перспективы социального либерализма в свете методологии австрийской школы

Концепция социального либерализма и опекаемых благ развита и обсуждена в ряде работ [Автономов 2014; Гринберг, Рубинштейн 2013^a; Гринберг, Рубинштейн 2013^b; Кирдина 2013^a; Кирдина 2013^b; Либман 2013; Рубинштейн 2008; Рубинштейн 2011; Рубинштейн 2012^a; Рубинштейн 2012^b; Рубинштейн 2015; Рубинштейн, Плискевич 2016; Тамбовцев 2013; Тихонова 2013; Урнов 2013]. Ключевые моменты данной теории – отказ от методологического индивидуализма в пользу методологического холизма, сочетание методологического субъективизма с наличием целей более высокого порядка, чем индивидуальные, наконец, сочетание либерализма с вмешательством правительства в рыночные процессы с целью реализации нормативных интересов общества.

Критика концепции социального либерализма с позиций австрийской школы уже представлена в ряде работ. А. Заостровцев выстраивает ее через призму теории Л. Мизеса о первичности идей, которые определяют человеческий интерес и человеческую деятельность [Заостровцев 2015]. Идеи позволяют человеку оценить, какое из состояний более, а какое – менее удовлетворительно и определить средства для достижения более удовлетворительного состояния. Идеи формируют интерес, то есть интересов вне идеи не существует. Идеи неразрывно связаны с отдельными индивидами – при этом идеи есть конечная данность эмпирического исследования, поскольку мы не можем представить источники их появления. В таком представлении “общественные” интересы могут существовать только как результат общественного мнения [Заостровцев 2015, с. 65]. Но формирование общественного мнения есть процесс столкновения различных идеологий. И по мере уменьшения степени демократичности политического выбора сокращается и шанс на представление в “общественном” интересе интересов отдельных индивидов. Кроме того, социальный интерес вполне может быть негативным, история не есть сказка с *happy-end*. Потому регламентация потребления, предлагаемая концепцией социального либерализма и опекаемых благ, есть лазейка для интервенционизма и этатизма [Заостровцев 2015].

А. Раквиашвили также обращает внимание на невозможность существования неких целей общества, отличных от целей индивидов [Раквиашвили 2015]. Даже те надындивидуальные цели, которые не могут увидеть экономические субъекты, ограниченные в своей деятельности требованием рынка к стремлению к эффективности, в теории опекаемых благ определяют философы/политики. А они вполне могут продвигать в качестве социально значимых цели и интересы, разделяемые лично ими, но не их избирателями. И потому концепция социального либерализма сталкивается с изначальной методологической проблемой определения интересов отдельных индивидов. Кроме того, Раквиашвили остроумно предлагает решить проблему проверки теории представлением “философа”, наделенного чутьем определения общественного интереса, или хотя бы критериев его определения, равно как и поэкспериментировать с формулировкой какой-либо “общественной” цели [Раквиашвили 2015, с. 88].

П. Усанов строит свою критику на двух идеях. Во-первых, несравнимости “полезностей” отдельных людей и невозможности их агрегирования, во-вторых, на

невозможности определить “общественные” цели как по причине невозможности подобного “знания”, так и на сомнительной возможности существования “беспристрастного” государственного служащего, озабоченного исключительно интересами общества [Усанов 2015, с. 97].

Мне представляются в данной сфере вполне обоснованными все изложенные позиции представителей современной австрийской школы, но в дополнение хотелось бы заострить внимание на двух аспектах. Во-первых, при переходе к рассмотрению альтернативных “общественных” интересов теория сталкивается с так и не решенной проблемой сравнимости. Действительно, как сравнить выгоду общества от направления определенной суммы на поддержку театра с выгодой от направления этих же средств на поддержку хоккея? Проблема несравнимости не уменьшается при сведении ее к общественному интересу, и никакая формальная модель не в силах решить данную методологическую проблему.

Попытка поиска инструментов определения соответствующих “общественному” интересу разнообразных сфер приложения средств через разрешение перенаправления в пользу того или иного предприятия определенной (незначительной) части подоходного налога по заявлению плательщика лишь подтверждает возможность нахождения общественного интереса только через интерес отдельных индивидов. Данный факт подтверждает то обстоятельство, что ни избранные и уполномоченные на это депутаты, ни некие “философы” — государственные чиновники не способны правильно определить потребности индивидов. Строгое следование принципу методологического субъективизма не выявляет в этом факте ничего удивительного. При этом подобная мера — перенаправление средств по заявлениям налогоплательщиков — безусловно, будет поддержана представителями австрийской школы как направленная на сокращение степени вмешательства государства в “нормирование” потребления.

Во-вторых, появление еще одной разновидности либерализма — социального — потребует от авторов данной концепции четкого доказательства сохранения “родовых признаков” либерализма как в самой концепции, так и в следующей из нее экономической политике. Наличие в системе “автономного носителя предпочтений, которые можно трактовать в качестве **нормативного стандарта**” [Рубинштейн 2015, с. 15], вступает в явное противоречие с принципом свободы потребительского выбора и нарушает разделяемый (по собственным словам сторонников концепции) принцип методологического субъективизма. Одно это представляется достаточным, чтобы поставить под сомнение обоснованность именования данной теории “либерализмом”.

Формирование в рамках подхода социального либерализма концепции экономической социодинамики и теории опекаемых благ стало попыткой ответа авторов на неудовлетворенность современным состоянием экономической науки с ее необоснованными методологическими допущениями и построением на этой базе настолько же необоснованных теорий. Фактическое состояние дел таково, что для реализации своих прав люди действительно не ограничиваются собственными усилиями, но и пользуются услугами правительства по предоставлению тех или иных благ. Вместе с тем трактовка данных действий правительства как реализации “интересов общества в целом” требует решения вопроса о том, что есть “общественные” интересы и как они формируются. И сторонники социального либерализма принимают на этом пути такие же необоснованные методологические допущения о наличии “наиболее информированных индивидов”/философов/политиков, способных осознать “интересы общества”. Мне же представляется, что гораздо логичнее вернуться к прочному методологическому фундаменту австрийской школы — восприятию реальности и человека в ней такими, какими они есть, и построения на этой основе внутренне непротиворечивой теории, в том числе и касающейся механизмов производства коллективных благ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В. (2014) Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 53–56.
- Баженов Г. (2015) Методологическая дифференциация направлений австрийской школы: маргинализация или интеграция с мейнстримом? // *Известия УрГЭУ*. № 6. С. 14–22.
- Блауг М. (2004) *Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют*. М.: Журнал "Вопросы экономики".
- Гребнев Л. (2007) О предмете экономической науки, или С чего начинать преподавание экономики? // *Вопросы экономики*. № 8. С. 134–145.
- Гринберг Р., Рубинштейн А. (2013^a). Индивидуум и государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир.
- Гринберг Р., Рубинштейн А. (2013^b) *Концепция экономической социодинамики*. М.: ИЭ РАН.
- Заостровцев А. (2015) Социальный либерализм: анализ с позиций австрийской школы // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 64–74.
- Кирдина С. (2013^a) К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: ИЭ РАН.
- Кирдина С. (2013^b) Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*. № 10. С. 66–89.
- Ковалев А. (2008^a) "Робинзонада" как методологический прием в экономической науке // *Проблемы современной экономики*. № 2. С. 54–57.
- Ковалев А. (2008^b) Экономический расчет при социализме: современное понимание дискуссии // *Вестник БНТУ*. № 2. С. 52–60.
- Кузнецов Ю. (2002) Критика теоретических основ антимонопольного регулирования // *Эконом. Вып. 2 (№ 4)*. С. 595–613.
- Либман А. (2013) Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 27–38.
- Менгер К. (1894) *Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности*. СПб.: Цинзерлинг.
- Менгер К. (1992) *Основания политической экономии* // *Австрийская школа в политической экономии*: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика.
- Мизес Л. фон (2005) *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум.
- Раквиашвили А. (2015) Социальный либерализм и либерализм австрийской экономической школы // *Социальный либерализм: между свободой и этатизмом*. Под ред. А. П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ "Леонтьевский центр".
- Рубинштейн А. (2012^a) *Введение в новую методологию экономического анализа*. М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А. (2008) К теории рынков "опекаемых благ". М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А. (2011) *Опекаемые блага: институциональные трансформации*. М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А. (2012^b) Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 13–34.
- Рубинштейн А. (2015) *Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное*. М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А., Плискевич Н. (ред.) (2016) *Социальный либерализм*. СПб.: Алетейя.
- Сапов Г. (2004) Собственность: условие человеческой деятельности и юридическая категория // *Отечественные записки*. № 6 (20).
- Тамбовцев В. (2013) Методологический анализ и развитие экономической науки // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 42–53.
- Тихонова Н. (2013) Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 32–44.
- Урнов М. (2013) Социальный либерализм в России (взгляд политолога) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 30–43.
- Усанов П. (2015) Непреднамеренные последствия социального патернализма // *Социальный либерализм: между свободой и этатизмом*. Под ред. А. П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ "Леонтьевский центр".
- Уэрта Де Сото Х. (2007) *Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество*. Челябинск: Социум.

Уэрта Де Сото Х. (2011) Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск: Социум.

Хайек Ф.А. фон (2011) Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум.

Хайек Ф.А. фон (2006) Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН.

Expectations and the Meaning of Institutions. Essays in economics by Ludwig Lachmann (1994) Ed. by Don Lavoie. New York: Routledge.

Hodgson G. (2000) What is the Essence of Institutional Economics? // Journal of Economic Issues. Vol. 34. Issue 2. Pp. 317–330.

Austrian School Methodology: A Forgotten Perspective?

A.KAVALIOU*

***Kavaliou Aleksandr** – candidate of Science in Economics, Deputy Director at the Centre for Business Education, Kazimieras Simonavicius University (Vilnius, Lithuania); and Associate Professor at the Department of Management, Belarusian National Technical University (Minsk, Republic of Belarus). Address: Vostochnaya st., 39–84, Minsk, 220040. E-mail: kavaliou.aliaksandr@gmail.com

Abstract

The article contains analysis of the Austrian school methodology. Despite to popular beliefs, methodological individualism is neither atomism nor reductionism. It is shown that human interaction in the tradition of the school is analyzed through the prism of the institutional environment. The real man in his economic activity, not the hypothetical Homo Economicus is considered. The role of methodological subjectivism as a basis for understanding the reality is underlined. It is emphasized that it is impossible to compare and summarize the subjective estimates of individuals. The concept of subjectivity of information leads to a rejection of the general economic equilibrium approach and the maximizing public welfare policy. Author agrees with presented criticism of the concept of social liberalism by other representatives of the Austrian school and supplements the criticism with two more aspects. Firstly, on the way of the transition from individual to public interest the problem of the value comparability does not solved. The second question is on the correctness to use the basic term "liberalism" for this concept.

Keywords: methodological individualism, methodological subjectivism, institutions, Austrian school, social liberalism.

REFERENCES

Avtonomov V. (2014) Eshche neskol'ko slov o metodologicheskom individualizme [Some More Words On Methodological Individualism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 53–56.

Bazhenov G. (2015) Metodologicheskaya differenciatsiya napravlenij avstrijskoj shkoly: marginalizatsiya ili integratsiya s meinstrimom [Methodological Differentiation of Austrian School Directions: Marginalization or Integration to Mainstream]. *Izvestiya UrGEU*, no. 6, pp. 14–22.

Blaug M. (2004) *Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili kak ekonomisty obyasnayut* [The Methodology of Economics: Or how Economists Explain]. Moscow: Zhurnal "Voprosy Ekonomiki".

Expectations and the Meaning of Institutions. Essays in economics by Ludwig Lachmann (1994). Ed. by Don Lavoie. New York: Routledge.

Grebnev L. (2007) O predmete ekonomicheskoy nauki ili s chego nachinat' prepodavanije ekonomiki? [On Subject of Economics, Or from Which Point Should We Start to Teach Economics?]. *Voprosy ekonomiki*, no. 8, pp. 134–145.

Grinberg R., Rubinshtein A. (2013^a). *Individuum i gosudarstvo: ekonomicheskaya dilemma* [An Individuum and the State: Economic Dilemma]. Moscow: Ves' mir.

Grinberg R., Rubinshtein A. (2013^b) *Koncepciya ekonomicheskoy sociodinamiki: predposylki i resul'taty* [Conception of the Economic Sociodynamics: Prerequisites and Results]. Moscow: IE RAN.

- Hayek F.A. (2011) *Individualizm i ekonomicheskij poryadok* [Individualism and Economic Order]. Cheliabinsk: Sotsium.
- Hayek F.A. (2006) *Pravo, zakonodatelstvo i svoboda* [Law, Legislation, and Liberty]. Moscow: IRISSEN.
- Hodgson G. (2000) What is the Essence of Institutional Economics? *Journal of Economic Issues*, vol. 34, issue 2, pp. 317–330.
- Huerta de Soto J. (2008) *Avstrijskaja ekonomicheskaja shkola: rynek i predprinimatel'skoje tvorchestvo* [The Austrian School: Market Order and Entrepreneurial Creativity]. Cheliabinsk: Sotsium.
- Huerta de Soto J. (2011) *Social'no-ekonomicheskaya teoriya dinamicheskoy effektivnosti* [Socio-economic Theory of Dynamic Efficiency]. Cheliabinsk: Sotsium.
- Kavaliou A. (2008^a) 'Robinsonada' kak metodologicheskij priyom v ekonomicheskoy nauke ['Robinson' as Methodological Instrument in Economics]. *Problemy Sovremennoj ekonomiki*, no. 2, pp. 54–57.
- Kavaliou A. (2008^b) Ekonomicheskij raschet pri socializme: sovremennoe ponimanie diskussii [Socialist Calculation Debate: a Contemporary Understanding]. *Vestnik BNTU*, no. 2, pp. 52–60.
- Kirdina S. (2013^a) *K pereosmysleniyu principa metodologicheskogo individualizma* [To Rethinking Methodological Individualism]. Moscow: IE RAN.
- Kirdina S. (2013^b) Metodologicheskij individualizm i metodologicheskij institucionalizm [Methodological Individualism and Methodological Institutionalism]. *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 66–89.
- Kuznetsov Yu. (2002) Kritika teoreticheskikh osnov antimonopol'nogo regulirovaniya [Critics of Theoretical Foundations of Antitrust Regulation]. *Ecovest*, issue 2 (no. 4), pp. 595–613.
- Libman A. (2013) Social'nyi liberalism, obshchestvennyi interes i povedencheskaya ekonomika [Social Liberalism, Public Interest, and Behavioral Economics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 27–38.
- Menger C. (1894) *Issledovanie o metodah social'nykh nauk i politicheskoy ekonomii v osobennosti* [Investigations into the Method of the Social Sciences With Special Reference to Economics]. St.-Petersburg: Zinslering.
- Menger C. (1992) *Osnovaniya politicheskoy ekonomii* [Principle of Economics]. Moscow: Ekonomika.
- Mises L. (2005) *Chelovecheskaya deyatel'nost': Traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human Action: A Treatise on Economics]. Cheliabinsk: Sotsium.
- Rakviashvili A. (2015) Social'nyi liberalism i liberalism avstrijskoy ekonomicheskoy shkoly [Social Liberalism and Austrian Economic School Liberalism]. A. Zaostrovtssev (ed.) *Social'nyi liberalism: mezhdub svobodoy i etatismom* [Social Liberalism: Between Liberty and Statism]. St.-Petersburg: MSCEI "Leontieff Center".
- Rubinshtein A. (2008) *K teorii rynkov "opekaemykh blag"* [To the Theory of the Markets of Sponsored Goods]. Moscow: IE RAN.
- Rubinshtein A. (2011) *Opekaemye blaga: institucional'nye transformacii* [Sponsored Goods: Institutional Transformations]. Moscow: IE RAN.
- Rubinshtein A. (2012^b) Social'nyi liberalism: k voprosu ekonomicheskoy metodologii [Social Liberalism: to the Question of Economic Methodology] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 13–34.
- Rubinshtein A. (2015) *Teoriya opekaemykh blag i paternalizm v ekonomicheskikh teoriyah: obshchee i osobnoe* [Theory of Sponsored Goods and Paternalism: Common and Specific]. Moscow: IE RAN.
- Rubinshtein A. (2012^a) *Vvedenie v novuyu metodologiyu ekonomicheskogo analiza* [Introduction to the New Methodology of Economic Analysis]. Moscow: IE RAN.
- Rubinshtein A., Pliskevich N. (eds.) (2016) *Social'nyi liberalism* [Social Liberalism]. St.-Petersburg: Aletaya.
- Sapov G. (2004) Sobstvennost': uslovie chelovecheskoy deyatel'nosti i yuridicheskaya kategoriya [Property as a Condition of Human Action and as a Term of Law]. *Otechestvennye zapiski*, no. 6 (20), pp. 8–17.
- Tambovtsev V. (2013) Metodologicheskij analiz i razvitie ekonomicheskoy nauki [Methodological Analysis and the Development of Economics]. *Obshchestvennyenauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 42–53.
- Tihonova N. (2013) Social'nyi liberalism: est' li al'ternativa? [Does Social Liberalism have an Alternative?]. *Obshchestvennyenauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 32–44.
- Urnov M. (2013) Social'nyi liberalism v Rossii (vzgliad politologa) [Social Liberalism in Russia: An Political Scientists' View]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 30–43.
- Usanov P. (2015) Neprednamerennye posledstviya social'nogo paternalizma [Unintentional Consequences of Social Paternalism]. A. Zaostrovtssev (ed.) *Social'nyiliberism: mezhdub svobodoy i etatismom* [Social Liberalism: Between Liberty and Statism]. St.-Petersburg: MSCEI "Leontieff Center".
- Zaostrovtssev A. (2015) Social'nyi liberalism: analiz s pozitsiy avstrijskoj shkoly [Social Liberalism: An Analysis from Austrian School' Point of View]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 64–74.